

Ольга Жукова Идеиная борьба в русских интеллектуальных журналах начала XX века: В.Ф. Эрн как мыслитель и полемист

Аннотация

Владимир Францевич Эрн, выдающийся русский философ, продолживший в истории русской мысли религиозно-философскую традицию В.С. Соловьева. Творческая биография Эрна отражает трансформации интеллектуальной и политической культуры, произошедшие с русским обществом. Блестящий полемист, он обладал темпераментом борца и общественного деятеля. Полемическая статья является ведущим жанром философского творчества Эрна. Именно статья стала орудием его интеллектуальной и духовной борьбы.

Ключевые слова

интеллектуальная культура, полемическая статья, философский дискурс, идейная борьба, неославянофильство, русские западники, христианство, религиозная философия, традиция

Наследие В.Ф. Эрна, как и других мыслителей Серебряного века, после долгого забвения на родине, было возвращено в пространство отечественной культуры в позднесоветский период, после чего стало

возможно его изучение российскими историками философии. Владимир Францевич Эрн, выдающийся представитель русской религиозной мысли, талантливый ученик С.Н. Трубецкого, по праву считается продолжателем религиозно-философской традиции В.С. Соловьева. Среди известных имен интеллектуалов начала XX века Эрну принадлежит особое место. Блестящий полемист, он обладал темпераментом бойца и общественного деятеля. Его полемически заостренные газетные и журнальные статьи представляют собой одно из вершинных достижений философской публицистики, традиции которой восходят к русской литературной критике XIX века, к философской и политической публицистике В.С. Соловьева, И.С. Аксакова, Ф.М. Достоевского. В этом смысле наследие Эрна заслуживает особого внимания, поскольку жанр статьи в исполнении Эрна оказался не только полемическим, но и теоретическим инструментом обоснования сложных онто-гносеологических и культурфилософских проблем. Именно в жанре статьи Эрн сумел блестяще высказаться, переведя идейный спор в рациональный дискурс историко-философского исследования. Последовательная и непримиримая защита религиозных основ национальной культуры и философии снискала Эрну в кругах русских западников славу «неославянофила» с уничижительным оттенком. Ранняя смерть не дала возможность молодому философу в полной мере осуществить свои творческие замыслы, и в оценках историков русской мысли, прежде всего, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, он предстает как яркий, но не однозначный автор.

Стоит процитировать В.В. Зеньковского, который в своем известном труде «История русской философии» посвящает Владимиру Эрну всего один абзац: «Рано погиб от неизлечимого недуга В.Ф. Эрн (1882–1917), написавший две обстоятельные книги по истории итальянской философии (о «Розмини» и «Джоберти») и ряд ярких статей, часть которых собрана в сборнике «Борьба за логос». У Эрна было большое философское чутье, бесспорное дарование и, проживи он долее, можно было бы быть уверенным, что он мог бы создать своеобразную систему. Но Эрну очень мешала пылкость его характера, – в философии он нередко становился публицистом, что очень понижало его философскую пронизательность. Не говоря об его прогремевшей в свое время (в эпоху войны 1914–1918 гг.) статье «От Канта к Круппу» и его прекрасной статье, появившейся в те же годы «Время славянофильствует», даже его более спокойные статьи, собранные в книге «Борьба за логос», часто шокируют читателя претенциозностью и необоснованностью. Так, напр., основное для книги противопоставление рацио и логоса,

несмотря на многочисленные попытки формулировать яснее их различие, так и остается лишь *программой* неосуществленного философского замысла. С другой стороны, в книге Эрна есть много и замечательных мест, заставляющих искренно пожалеть о ранней смерти даровитого мыслителя»¹.

Оценка Зеньковского весьма показательна и может служить своеобразным выражением сложившегося консенсуса мнений русских мыслителей о характере дарования Эрна и его роли в интеллектуальной культуре начала XX века. Прежде всего, он воспринимается как полемист, оригинальный публицист, который энергично отстаивает свою точку зрения, но для многих философов позиция диспутанта оказывается идеологически неприемлемой. В то же время, отмечаемая критиками склонность Эрна к публицистической форме предьявления своих взглядов становится часто повторяемым аргументом, позволяющим оппонентам принизить собственное значение философской мысли автора «Борьбы за Логос». Однако обвинения в публицистической форме донесения философских идей здесь вряд ли могут быть приняты. Философской, равно как политической публицистике отдали дань без исключения все наиболее значимые авторы того времени. В орбиту публичности оказались вовлечены самые яркие фигуры русской интеллектуальной элиты, чьи профессиональные и творческие интересы соприкасались с различными областями философского знания – философии истории и культуры, философии политики, философии права, религиозной метафизики, политэкономии. Более того, многие из университетских ораторов стали первыми действующими политиками периода формирования русского парламентаризма, как С.А. Муромцев, П.Н. Милюков, П.Б. Струве. Как не вспомнить здесь учителя В.Ф. Эрна, С.Н. Трубецкого, ректора Московского университета, одного из авторитетнейших представителей либеральной общественности, во многом подготовившего наступление эпохи публичной политики в России.

Справедливо утверждать, что *публицистический дискурс как своеобразный язык и форма самопрезентации для русской философской мысли бурного периода трех русских революций становится доминирующим и жанрово определяющим, превращая философскую статью в орудие интеллектуальной и политической борьбы*. Русская философия погружена в события социальной жизни, работа, ограниченная рамками университетских исследований и студенческих аудиторий, явно не удовлет-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Ленинград, «ЭГО», 1991. Т.2. С. 228.

воряет запросы текущего момента. Русская мысль завоевывает общественное пространство, и академические дискуссии приобретают отчетливо выраженный характер публичной идейной полемики, которая разворачивается на страницах профессиональных журналов – таких, как «Вопросы философии и психологии», литературно-философских журналов с интеллектуальным бэкграундом, одним из лидеров которых является «Русская мысль», наиболее солидных еженедельников, в также партийных газет.

В этом смысле творческая биография Владимира Эрна в полной мере отражает трансформации интеллектуальной и политической культуры, произошедшие с русским обществом. Они были спровоцированы бурными социальными процессами, радикально повлиявшими на социальный порядок Российской империи. События русской революции 1905 г. вовлекли выпускника московского университета в общественно-политическую борьбу, в центре которой стоял вопрос о личных и гражданских свободах. Его решение в Российской империи, где государственную религию охранял «полицейский устав», во многом зависело от положения Церкви в обществе, в конечном итоге от вопроса о свободе совести и вероисповедания. Как организатор «Христианского братства борьбы» Эрн выступил в качестве лидера христианского социалистического движения в России. Программа «Братства», направленная на правовую и духовную гармонизацию отношений между православием и самодержавием в конституционно-демократическом ключе, явилась важным этапом в формировании философского мировоззрения Эрна.

Выступая с программными докладами о целях «Братства», Эрн проявил себя как даровитый оратор и диспутант, оттачивая мастерство аргументации и стиля. Можно говорить, что собственно политическая активность «Братства», выражавшаяся в распространении среди духовенства и прихожан, а также в более широкой рабочей, солдатской и разночинной среде листовок и воззваний по различным вопросам церковной жизни, вскоре приобрела характер в основном просветительский и издательский. Статьи, заметки, воззвания, выступления В.Ф. Эрна, его единомышленника В.П. Свенцицкого, составлявшего вместе с Эрном духовное и идейное ядро «Братства», и С.Н. Булгакова, близкого идеям христианского социализма, на протяжении 1905–1908 гг. регулярно появлялись в русской печати. На страницах киевской газеты «Народ»¹,

¹ Выходила в Киеве по инициативе С.Н. Булгакова. В начале 1906 года вышло всего 7 номеров.

в журнале «Живая жизнь»¹, в «Богословском вестнике»², в «Церковном обновлении»³, в «Религиозно-общественной библиотеке»⁴ Владимир Эрн опубликовал ряд знаковых текстов. Среди них программная статья «Семь свобод»⁵, а также несколько статей, включенных автором позднее в его книгу «Борьба за Логос» (1911): «Социализм и проблема свободы»⁶, «Филологизирующий астроном»⁷, «Историческая церковь»⁸, «Разговор о логике с социал-демократом»⁹.

После разрыва Эрна со Свенцицким в 1908 г. «Христианское братство борьбы» окончательно прекратило свое существование. Но приобретенный Эрном опыт идейного борца, духовная и политическая сила убеждений которого подкреплена горячей верой во Христа и евангельские истины, оказался тем моральным и интеллектуальным стержнем, который сформировал Эрна как самостоятельного мыслителя, яркого оратора и публициста – глубокого автора и религиозного философа. Как происходил этот рост интеллектуального самосознания, сублимировавший социальную, религиозно-общественную активность молодого Эрна в непосредственное философское творчество, красноречиво свидетельствует его письмо к другу и соученику по Тифлисской гимназии А.В. Ельчанинову. По поводу статьи, опубликованной Эрном в 9-м номере «Церковного обновления», от 4 марта 1907 г., автор письма, обращаясь к собеседнику, говорит: «Эта статья, я думаю, ответит на твое желание “основоположительных и серьезных” статей. У меня она написалась вдруг»¹⁰.

¹ Журнал религиозно-философского содержания, освещавший вопросы «нового религиозного сознания», отношение христианства к современным общественно-политическим течениям. Издавался в Москве с ноября 1907 г. по февраль 1908 г.

² Ежемесячный богословский журнал, издаваемый Московской духовной академией с 1892 по 1918 гг.

³ Бесплатное приложение к Еженедельнику религиозно-общественной жизни и политики «Век».

⁴ Серия выпускалась московским издателем и книготорговцем Д.П. Ефимовым под руководством С.Н. Булгакова, В.П. Свенцицкого и В.Ф. Эрна.

⁵ Впервые: «Религиозно-общественная библиотека». М., 1906. Серия II. №5. Опубликована отдельной брошюрой.

⁶ Впервые: «Живая жизнь». 1907. №2.

⁷ Впервые: Богословский вестник. 1906. № 11.

⁸ Впервые: Церковное обновление. 1907. № 11.

⁹ Впервые: Богословский вестник. 1907. № 10.

¹⁰ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 130.

Речь идет о статье «Таинства и возрождение Церкви», которая родилась у Эрн как реакция в ответ на неприемлемые для его строгого православного сознания культурфилософские идеи Д.С. Мережковского и круга его почитателей, увлекшихся разработкой философско-богословской концепции «новой церкви» («Церкви Иоанновой»), в противовес якобы исчерпавшей свою миссию «исторической церкви» («Церкви Петровой»). Укажем на значимый пассаж в небольшой, но выразительной статье Эрн, в которой уже ясно проявляются основные черты его философско-полюемического стиля. Автор спокойно и прямо говорит, что в своей статье «ничего не доказывает», еще раз напоминая своим оппонентам, что в области веры доказательства совсем иные, не поддающиеся формальным процедурам извлечения истинности и дискурсивной проработки. Так что же он предъявляет людям, чающим обновления исторической церкви? Эрн формулирует свой тезис и ждет адекватного и внятного ответа: «Я только в связной форме излагаю факт своей веры, приводя те внутренние основания, которыми вера эта тверда. Я бы очень просил, – продолжает автор статьи, – чтобы те лица, которые стоят на точке зрения, мною здесь отвергаемой, высказались о своей вере с возможной ясностью и откровенностью»¹. Анализ творчества Эрн показывает, что этот принцип внутреннего исповедания своих религиозных и философских убеждений в рамках традиции секулярной культуры с ее сложившейся дискурсивной практикой, в форме открытой интеллектуальной дискуссии станет для автора «Борьбы за Логос» ведущим и определит способ и стиль высказывания в виде *философской статьи полюемического характера*.

Подчеркнем, оставаясь глубоко верующим членом православной церкви, Эрн ментально и профессионально был носителем культуры европейского модерна. Европейский модерн с его социально-философской и научной традицией рациональности, с его эстетически развитыми формами светской культуры и авторского творчества в России начала XX века осваивался, скорее, не на уровне политических установлений и институтов, а на уровне интеллектуального и духовного опыта русских художников, писателей, мыслителей. Именно эту линию синтеза русской и европейской культуры Владимир Эрн наследовал от предшествовавшей генерации русских европейцев во главе с Владимиром Соловьевым, подхватив эстафету от своего учителя – С.Н. Трубецкого. Участник семинаров Трубецкого по античной философии, а затем

¹ В.Ф. Эрн: pro et contra / Сост., вступит. статья, коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 92.

Студенческого историко-филологического общества при Московском университете, созданного также по инициативе князя Трубецкого¹, уже в период обучения в университете Эрн зарекомендовал себя как увлеченный исследователь и яркий спикер. Во многом благодаря настойчивой инициативе друзей-студентов Владимира Эрна и Павла Флоренского в 1904 г. в рамках Студенческого историко-филологического общества была организована специализированная секция «Истории религии», в которой непосредственное активное участие принимали В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов.

Можно с уверенностью утверждать, что роль Эрна, проявившего в университетские годы активность в работе Студенческого общества, значима не только в создании «Христианского братства борьбы». Ему принадлежит одна из ведущих ролей в организационном и идейном оформлении Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. По справедливому замечанию Я.В. Морозовой, «Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева – один из крупнейших религиозно-общественных проектов в интеллектуальной истории дореволюционной России, одно из самых масштабных идейных предприятий в истории русской религиозной философии»². Наряду с религиозно-философскими собраниями в Санкт-Петербурге деятельность Московского общества *институционально и идеологически оформляет интеллектуальную культуру Серебряного века* и воплощает собой одну из вершин религиозно-философского ренессанса в России. Сам факт развития философской культуры в России, выработки оригинальных идей и концепций, сопряженных с процессом становления философского мировоззрения авторов-участников дискуссий, теснейшим образом связан с работой МРФО. Более того, статьи, публикуемые ведущими интеллектуальными изданиями, являются зачастую текстами выступлений, актуальными репликами на бурные диспуты и философские новинки русских и европейских авторов.

Чутко ощущая культурный запрос на новый публичный формат существования философского слова, Эрн, как организатор и один из самых активных участников Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, направил свои духовные и интеллектуальные усилия на доказательство самостоятельного значе-

¹ Первое заседание Общества состоялось 16 марта 1902 г. После кончины кн. С.Н. Трубецкого (1862–1905) Общество стало носить его имя.

² Морозова Я.В. Московское Религиозно-Философское Общество памяти Вл. Соловьева: вопросы возникновения // Вестник РХГА. Том 9. 2008, Вып. 2. С. 182.

ния русской религиозной метафизики, развернув научную проблему в плоскость общественной дискуссии. Отстаивая ценность отечественной мысли, он выступил апологетом синтеза восточно-христианской и античной традиции философствования в духе «логизма» в противоположность «меонизму» рационалистической философии Нового времени.

Борьбой за исповедуемую мыслителем христианскую философию пронизаны программные работы Эрнэ 1910 г., опубликованные в различных периодических изданиях и включенные затем в книгу «Борьба за Логос». Примечательно, что тексты отражают направленность философского поиска автора, многообразие анализируемых тем, высказывания по поводу которых, как правило, привязаны к конкретным исследовательским, педагогическим, просветительским, философско-критическим, публицистическим задачам. Тем не менее, все тексты находятся в едином проблемном поле, что позволило Эрнэ объединить их в общий замысел книги и предъявить ее как *своеобразный философский манифест*. В жанровом отношении тексты книги могут быть охарактеризованы как самостоятельные статьи. Так, открывающая книгу глава «Размышления о прагматизме» представляет собой текст доклада Эрнэ на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Реферат выступления 26 февраля 1910 г., легший в основу главы, был напечатан в №№ 17–18 «Московского еженедельника» за 1910 г. Две следующих главы «Беркли как родоначальник современного имманентизма» и «Природа философского сомнения» являются текстами открытых лекций, прочитанных Эрнэ в Московском университете 10 мая 1910 г. на получение права доцента. Оба текста были опубликованы в центральном научно-философском издании России – «Вопросах философии и психологии», в кн. 103 и 105 за 1910 г.

Особый интерес представляют собой четвертая и пятая главы книги «Нечто о Логосе, русской философии и научности» и «Культурное непонимание», имеющая подзаголовок «Ответ С.Л. Франку». В жанровом отношении – это в чистом виде *полемические философские статьи*, демонстрирующие оригинальный авторский стиль ведения *публичной философской дискуссии*. Они свидетельствуют, что Эрнэ стал непревзойденным мастером философского диспута, понимая задачу философа по-христиански – как подлинную, жизненную борьбу за Истину! В них раскрывается талант полемиста, обладающего не только блестящим литературным стилем, но и силой философской аргументации, основанной на прочной философской выучке, глубоком знании предмета и впечатляющем уровне общей гуманитарной культуры.

Глава «Нечто о Логосе, русской философии и научности. По поводу нового философского журнала «Логос»» была первоначально опубликована в в №№ 29–32 «Московского еженедельника»¹ в виде критической статьи, поводом для написания которой стал выход в свет международного ежегодника по философии культуры «Логос», за которым стояла группа новых западников во главе с С.И. Гессеном, Ф.А. Степуном и Б.В. Яковенко. Программа авторов «Логоса», предложенная поклонниками современной западноевропейской мысли в духе неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта, ставила целью посеять в русской интеллектуальной культуре зерна «подлинной научной философии». Теоретическим обоснованием программы выступала тотальная критика русской философской традиции. Авторы пытались доказать, что русская мысль не обладала необходимым философским инструментарием, была «несвободна», не имела ярких философов, а только лишь философски одаренных «личностей», не создала систем, претендующих на научность и вообще не имела самостоятельного значения, особенно в области гносеологии².

Выступление Эрн на страницах «Московского еженедельника» с разоблачением несуразностей в мышлении и представлении идеологов новой научной философии вызвала волну ответных возражений, среди которых были критические статьи С.Л. Франка и А. Белого³. Открыв полемику по поводу самоопределения русской философии в контексте истории европейской мысли, уже постфактум, в процессе создания книги, Эрн счел необходимым дать пояснение к развернувшейся дискуссии. Примечательно, что свой текст в «Московском еженедельнике» он определяет как статью, написанную бегло, «по поводу». Однако отмечает, что развиваемые в ней взгляды и положения составляют центральную линию авторского творчества: «Поэтому опрометчиво поступают те критики, – указывает Эрн, – которые считают ее за

¹ Журнал «Московский еженедельник» являлся неофициальным органом «Партии мирного обновления». Выходил в Москве с 1906 по 1910 гг. при непосредственном участии кн. Е.Н. Трубецкого. Свои статьи в нем публиковали П. Б. Струве, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон и др.

² См. подробнее: Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Книга Первая. М.: Книгоиздательство «Мусагет», 1910.

³ См.: Франк С. Философские отклики. О национализме в философии //Русская мысль. 1910. №9. С. 162–171; он же. Еще о национализме в философии //Русская мысль. 1910. №11. С. 130–137. См. также: Белый А. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли //Утро России. 1910. 15 октября. № 247. С. 2.

какое-то окончательное *credo*, к которому ничего не может быть *добавлено*. Слишком ясно, – продолжает автор, – что это не систематический трактат по всем вопросам теоретической философии, а *критическая* статья, опирающаяся на ряд философских, исторических и гносеологических положений, здесь же высказанных. Я считаю, – заключает Эрн, – что критика всегда опирается, сознательно или бессознательно, на *положительные* воззрения и сильна лишь в той мере, в *какой сильны эти воззрения*. Вот почему параллельно с критической частью у меня идут утверждения»¹.

На наш взгляд, Эрн весьма точно характеризует главный принцип своего философского творчества – это критика, опирающаяся на внутренне непротиворечивые, глубоко выношенные убеждения и представления, которые Эрн называет «воззрениями». Данный принцип определяет устойчиво повторяющийся композиционный прием и идейно-смысловую конструкцию текстов, при котором критический момент важен для формулирования основного авторского тезиса-утверждения. Таким образом, жанр полемической статьи наиболее соответствовал как внутреннему темпераменту, так и особенностям мышления Эрна, с развертыванием текста-высказывания в *диалектическом сопоставлении двух логик* – аналитико-критической и утвердительно-апологетической.

Тезисы о русской философии, сформулированные Эрном и вызвавшие бурное противодействие, в частности, у С.Л. Франка, имели судьбоносное, едва ли не пророческое значение в истории русской культуры. Позже, в эмиграции, включаясь в трудную работу по переосмыслению трагических событий отечественной истории, Франк практически полностью повторит и разовьет русскую философскую «аксиоматику» Владимира Эрна. Тогда же, к моменту выхода еженедельника «Логос», как признавался Франк, хотя он и преодолел чрезмерные увлечения «кантианства» и «риккертIANства», все же однозначно выступил на стороне неозападников. По словам Франка, «полемика Эрна задела гораздо более общую проблему; она была возрождением славянофильской критики западного духовного мира вообще; П.Б.² предложил мне возражать Эрну, что я и сделал; из этого завязался между нами обмен полемическими статьями»³.

¹ Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71.

² Речь идет о друге и соратнике С.Л. Франка – П.Б. Струве, редактировавшем «Русскую мысль».

³ Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 467.

Необходимо признать, как полемист и диспутант Эрн был на голову выше Франка. Значительно младше по возрасту, превосходил он Франка и в философской, тем более, богословской подготовке. Тот спор содер­жатель­но был выигран Эрном. Франк оказался весьма невнимате­лен к основной мысли своего оппонента, к тому же по элементарному незнанию, которого никак нельзя было ожидать от гуманитария его уровня, он допустил ряд грубых ошибок, чем блестящий эрудит Эрн, конечно, воспользовался. Но именно после этих публичных дебатов, развернувшихся в философской периодике, за Эрном закрепилась слава едва ли не ретрограда, адепта отжившего славянофильства, и, что еще хуже – националиста от философии и культуры.

Первая Мировая война обострила дискуссии русских мыслителей о сущности русской и европейской культуры. Эрн, как и большинство русских интеллектуалов, признавал духовную общность России и Европы очевидным фактом, но видел реальную опасность для всей христианской цивилизации в своеобразной метаморфозе европейского сознания. Германский милитаризм, в его интерпретации, представал оборотническим «двойником» европейской культуры, разрушавшим ее ценностное христианское основание и отрицавшим подлинные проявления художественного, религиозного и политического интеллекта европейцев.

Важно, что в отличие от принципиальных споров между почвенниками и западниками во второй половине XIX века вокруг темы России и Европы, русского национализма и европейского универсализма с выявлением присущим им форм социального порядка, предметом критики и рефлексии было именно метафизическое ядро культуры – ее дух, душа. В борьбе дискурсов военного периода острие полемики было направлено не на политическую или этнографическую составляющую «русского проекта» в его отношении к германскому миру, а на сущностные, онто-гносеологические различия между русской и немецкой культурами. Характерно, что немецкая философская мысль, как некое вершинное достижение интеллектуальной культуры Запада, символизировала собой в рассуждениях русских мыслителей европейскую культурную традицию как таковую.

Излишне говорить, что никто из российских интеллектуалов не сомневался в духовной общности русской и европейской культуры. Однако «неославянофильствующие» авторы во главе с Эрном, отстаивая самостоятельность и самобытность русского культурного предания, видели истоки германского милитаризма в рационалистическом «оскоплении» христианской метафизики. Последовательные «западники» броси-

лись на защиту «германской философии», обвиняя неославянофилов в национализме, шовинизме и религиозной лжи. Программные доклады и тексты В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу», «Время славянофильствует», как и ответы оппонентов – «Омертвевшее предание» Н.А. Бердяева, или «О религиозной лжи национализма» Д.С. Мережковского – среди прочих дискуссионных статей и выступлений доносят до нас голос Великой войны. Они помогают понять ее смысл и осознать один из самых страшных трагических опытов XX века, изменивших мир. Как точно заметит В.В. Зеньковский, «Великая война внесла немало изменений в духовную жизнь России, заострила отношение к Германии; целый ряд писателей и философов очень резко отмежевались от прежнего своего “западничества”. По удачному выражению Эрна, само «время славянофильствовало», возвращало к идее славянского объединения. В различных очерках это проявилось и у Эрна, как и других представителей “неославянофильства”, но венцом этого рожденного войной направления явилась резкая, пристрастная статья Эрна “От Канта к Круппу”, где проводилась мысль о внутренней связи критического рационализма и механической цивилизацией, в том числе артиллерийских заводов...»¹

Каким образом выстраивалась линия русской защиты можно понять из жаркого спора, развернувшегося между Владимиром Эрном и его оппонентами во главе с Николаем Бердяевым. Они как бы обозначали две крайние точки в оценке русской и германской (шире, европейской) культурной традиции. В этом обмене полемическими статьями происходило цивилизационное самоопределение русской мысли – проговаривались и формулировались культурно-философские дефиниции, чеканились историософские тезисы и аргументы. Спор, в орбиту которого были вовлечены самые известные авторы, стал публичным, обозначив идейный раскол в среде русских интеллектуалов. Обратим внимание на два кульминационных эпизода в полемике военного периода – на знаменитое выступление Эрна «От Канта к Круппу» и на статью-фельетон с говорящим названием «Налет Валькирий», вошедшую в сборник «Меч и крест». Реконструкция историко-философского контекста многое объясняет в характере и жанре текстов – в причинах возникновения статей, ставших своеобразными «реперными» точками русской философии.

Доклад В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу» 6 октября 1914 г., состоявшийся в знаменитом зале Политехнического музея, вызвал резкое неприятие

¹ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005. С. 113.

русской философской среды¹. Интеллектуалы предпочли услышать только один тезис Эрна – тезис о метафизическом единстве рационалистической традиции немецкой мысли и германского милитаризма. Критиками Эрна он был интерпретирован как грубый редукционизм, сведение многообразных плодов германской культуры к практике индустриального производства орудий смерти. В то время, как в своем докладе Эрн продолжал борьбу за Логос – за христианские основы русской и европейской цивилизации, за наполнение культуры онтологическим смыслом восточно-христианского предания, сохранившего в недрах русской философской мысли непосредственную связь с живым Логосом – с Христом. По его мнению, рационалистическая мысль запада оторвалась от онтологических основ христианства, утратила дух и неизбежно овеществила наличный порядок бытия. В этой новой культуре реальность духа выносилась за скобки, а, значит, ее моральным следствием (или допущением) оказывалась возможность уничтожения жизни. Рационалистический гений, изобретающий новые инструменты цивилизации, вел к оправданию убийства уже на социально-политическом уровне. Он вел к войне.

Ход рассуждений и выводы Эрна показались оскорбительными для выпускников русских и европейских университетов. Клеймо реакционера, носителя сознания «омертвевшего предания», которым Бердяев наградил Эрна, так и осталось за мыслителем и публицистом в истории. Его бесспорно талантливые оппоненты приложили немало усилий для создания образа «гадкого утенка» русской философии. Но вот то, что они опровергнуть не смогли и вскоре на себе испытали убийственно правдивое предостережение Эрна. Русские интеллектуалы стали жертвами войны и последовавшей за ней революции. В этом смысле они пали под натиском не только орудий Круппа, метафизически страшивших Эрна, но и большевизма, щедро спонсируемого милитаристской Германией. Война и революция привели Россию к исторической катастрофе. Оказавшись в эмиграции, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, С.Л. Франк в буквальном смысле вторили основным положениям главных работ Эрна о специфике русской культуры в ее соотношении с европейским культурным преданием.

А тогда слово в защиту религиозных основ русской культуры вызвало бурю эмоций – от недоумения до раздражения и негодования. Ожесточенное сопротивление Эрну оказал Бердяев, заподозривший

¹ Текст выступления В.Ф. Эрна был опубликован в «Русской мысли», в № 12 за 1914 г. С. 114–124. Впоследствии статья была включена Эрном в авторский сборник: Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915.

своих собратьев по цеху в реставрации отживших форм славянофильства и прекраснородушной пропаганде квасного патриотизма. Поводом послужила книга В.В. Розанова «Война 1914 г. и русское возрождение»¹, в которой Бердяев усмотрел «возрождение славянофильства» и повтор «славянофильских задов», давно уже отвергнутых «не «западнической мыслью», а мыслью, продолжавшей дело славянофилов»². Бердяев исходил из того, что война должна прекратить старый спор славянофилов и западников, поставить совершенно иной вопрос о России и Европе, который избавит русское сознание от «идеологии провинциальной», с «ограниченным горизонтом»³. Его статья-рецензия «О «вечно-бабьем» в русской душе»⁴ в резкой форме отказывала Розанову в христианской идентичности, уличала в ложно понятом русском христианстве, а значимые для автора книги идеи определяла в уничижительных терминах «розановщины», губящей Россию, «бабьего и рабьего» коллективистского сознания нации, которая «ушиблена и придавлена грехом»⁵.

Эрн, опытный диспутант, всегда стремившийся теоретически обосновать свою позицию, избегавший «переходить на личности» в борьбе за идеи, посчитал своим долгом ответить на выпад Бердяева. Здесь же, в «Биржевых ведомостях», он опубликовал статью (в авторской версии – фельетон), для названия которой остроумно позаимствовал из германо-скандинавской мифологии образ воинственной Валькирии, в контексте военных событий получавший дополнительные смысловые обертоны. «Эти дни я совсем замотался. Представь, в два дня (позавчера и вчера) я написал большой фельетон – 9 стр., ответ Бердяеву. Он с яростью напал на нас вчера в фельетоне “О вечно бабьем в русской душе” и нужно было ему отвечать. Статья вылилась страшно легко и все же 9 стр. в два дня для меня слишком много и я сегодня разбит», – писал 20 января 1915 г., к жене, Е.Д. Эрн, в Тифлис, Эрн⁶.

¹ Розанов В.В. Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1914.

² Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.2. В 2 т. М.: Искусство, 1994. С. 294.

³ Там же.

⁴ Впервые: Биржевые ведомости. 1915. 14–15 января. № 14610–14612. Позже статья была включена Н.А. Бердяевым в книгу: *Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*. М., 1918. С. 30–42.

⁵ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. С. 301.

⁶ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. /Сост., подготовка текста, вступит. статья и коммент. В.И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 611.

«Налет Валькирий (Ответ Н.А. Бердяеву)»¹ – статья, являющаяся великолепным образцом полемического стиля Эрн. Талант автора высоко оценил известный журналист и издатель М.М. Гаккебуш, входивший в редакцию «Биржевых ведомостей», предложив дальнейшее сотрудничество. Статья вызвала восхищение четы Ивановых и С. Аскольдова (С.А. Алексеева). «Когда я читал статью Ивановым, – сообщал жене Эрн, – они дико смеялись, Вячеслав от смеха наливался кровью до того, что я переставал читать. Он говорит, что я во всех отношениях превзошел себя и он просто в восторге от остроумия и блеска статьи. Никто из них не нашел никакой грубости. Только вот не знаю, что делать с нею. Для “У<тра > Р<оссии>” она велика, попробую устроить в “Бирж<евые> Ведом<ости >”, где появилась статья Бердяева»².

Специально заметим, что отношения Эрн с Бердяевым в этот период были вполне близкими и дружескими, их объединяла не только общая интеллектуальная среда, но и семейное общение. Почему и стоит разграничивать, своего рода, *два типа коммуникации*, – *публичную*, в которой в художественно-зрелищной форме, с использованием всех приемов ораторского искусства проговаривались смыслы и выражались точки зрения, и *приватную*, где разница позиций сглаживалась и корректировалась этикой дружбы и взаимного уважения. Между собой эти формы тесно связаны, переплетены многими смысловыми нитями глубоко интимного личностного свойства. В связи с чем следует учитывать что полемическая составляющая многих выступлений Эрн и Бердяева «на публику» несет на себе очевидный отблеск артистизма, характерный для ораторской культуры того времени. Ее риторический арсенал можно увидеть и в творчестве ведущих актеров русских театров, и в практике адвокатов, и в университетских лекциях профессоров, и в выступлениях депутатов Государственной думы. В личном общении и в дружеских беседах Эрн вел себя деликатно и даже переживал, что столь сильно задел Бердяева в «Налете Валькирий». Регулярно получая от Бюро вырезок негативные высказывания в свой адрес, Эрн начал собирать эти «шедевры для коллекции». В письме к жене от 8 февраля 1915 г. Эрн признается: «Бердяев в фельетоне о Ницше³ опять меня сильно выругал, еще не зная моей статьи против него. Так что “Налет Валькирий” вполне им заслужен»⁴.

¹ Впервые: Биржевые ведомости. 1915. Утренний выпуск. 30 января. №14642. С. 2.

² Взыскующие града... С. 611.

³ Бердяев Н.А. Ницше и современная Германия //Биржевые ведомости. 1915. 4 февраля. № 14650.

⁴ Взыскующие града... С. 619.

В прямую дискуссию, беря во внимание подвижность психики и эмоциональную неустойчивость Бердяева, Эрн старался не вступать, сохранял нейтралитет и поддерживал мир: «Я решил всячески воздерживаться от споров, – в письме к жене тремя днями позже объясняет Эрн, – *«п<отому> ч<то> с Н<иколаем> А<лександровичем> они совершенно бесплодны. Если начать ему уступать, он празднует «победу», если же диалектически его побивать – он приходит в раздражение, волнуется и просто кричит. Я устраниюсь и буду смотреть, как будет разговаривать Вяч<слав>. Он искусен и дипломатичен...»*¹ К характеристике используемых Эрном средств художественной выразительности, создающих образ его самого пылкого оппонента, добавим, что фельетонный образ кричащего по телефону Бердяева был буквально списан с натуры. Манеру вести спор, наскокивая на собеседника, нервное возбуждение речи, как и стиль разговора по телефону, Эрн хорошо знал, хотя и не мог предвидеть, что он окажется столь жизненно правдивым. В период февраля-марта 1915 г. общение Бердяева свелось к домашним встречам и телефонным переговорам. В конце февраля Бердяев, возвращаясь с очередного публичного мероприятия, продолжавшего открытые статьи и домашними спорами диспут о «душе России», сломал ногу и общался с «миром» по телефону, бурно выплескивая свои эмоции и нерастратченную энергию на собеседников и оппонентов.

Тем временем публичный спор двух религиозных мыслителей, состоявших в семейно-дружественных отношениях, был продолжен на страницах ведущей политико-экономической и литературной газеты либерального толка. За ответом Эрна последовала статья Бердяева, с еще более хлесткими обвинениями в адрес лагеря Эрна и его единомышленников. После появления бердяевской «Эпигонам славянофильства»², в полемику включился Вяч. Иванов, опубликовав в «Биржевых ведомостях» статью «Живое предание»³, где поставил под сомнение приписываемый ему и Эрну «родовой титул» славянофила, назвав себя и своих друзей продолжателями дела Алеши Карамазова – «алешинцами». Незамедлительно Бердяев ответил статьей «Омертвевшее предание»⁴, пытаясь выделить аргументы в пользу творческого развития

¹ Там же. С. 620.

² Впервые: Биржевые ведомости. 1915. Утренний выпуск. 18 февраля. №14678. С. 2.

³ Впервые: Биржевые ведомости. 1915. Утренний выпуск. 18 марта. Статья включена в сборник: Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1917.

⁴ Впервые: Биржевые ведомости. 1915. Утренний выпуск. 8 апреля. №14771. С. 2.

некоторых положений славянофильской теории, но продолжая настаивать на невозможности «идиллического взгляда на русскую историю и русскую действительность»¹, который он находил у эрновцев, что вызвало у него категорическое неприятие и отталкивало от «новых славянофилов».

Так, в живой последовательности полемически заостренных авторских высказываний и реплик, произносимых мыслителями публично, в дискуссионном формате газетных и журнальных статей, и корректируемых в дружеских спорах, формировался новый идейно-политический и культурфилософский дискурс русской мысли, связывающий ее с духовной и интеллектуальной историей России и предопределяющий основные темы философской рефлексии послереволюционной, эмигрантской мысли. Одним из движителей этого сложного, драматического процесса национального самопознания выступил Владимир Эрн. Побуждаемый различными мотивами – духовными, идейными, экономическими – в письме к жене от 30 января 1915 г. он так охарактеризовал свою увлеченность публицистикой: «Ты пожалуйста не смотри на мои планы пессимистично. То, что «Бирж<евые /> Вед<омости />» сами открыли мне свои объятия, и то, что «Утро России» обещало повысить мне гонорар – это ведь настоящий экономический выход для меня, и в то же самое время выход духовный, ибо у меня есть величайшая потребность теперь писать именно на темы публицистические. А ведь к развертыванию идей я еле-еле приступил. Каждая написанная статья порождает во мне по крайней мере три новых мысли для последующих статей /.../»². Как можно сделать вывод, потребность в публицистическом высказывании для Эрна выступала своеобразной социальной проекцией интенсивного интеллектуального процесса, связанного с задачами самоопределения русской мысли и, шире европейской культурной и философской традиции.

Очевидно, что обвинения в пристрастии к архаическим аргументам старых славянофилов и новых националистов, полученные Эрном от оппонентов в процессе публичных дискуссий и споров, были незаслуженными. Признать их полемически допустимыми можно было только до того момента, когда Эрн лично мог на них ответить. Оставшись в истории в виде однозначных определений, они оказались столь же несправедливы, как и действенны, в значительной степени повлияв на

¹ Цит. по: Бердяев Н.А. Омертвевшее предание //В.Ф. Эрн: pro et contra /Сост., вступит. статья, коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 514.

² Взыскующие града... С. 614.

оценку роли и места философских идей В.Ф. Эрн в русской мысли. Как представляется, необходимо не только произвести переоценку идейного наследия Эрн, но и признать в полемическом стиле его статей оригинальный способ развертывания философской мысли. Подобная оптика позволяет увидеть Владимира Эрн как одного из самых ярких авторов начала XX века, чьим оружием в борьбе за Истину стало Слово, имеющее общественное звучание и воплощенное, в духе традиции открытого философского диспута, в форму полемической статьи.

Литература

- Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. Т.2. В 2 т. М.: Искусство, 1994.
- Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. //Под редакцией В.И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997.
- В.Ф. Эрн: pro et contra /Сост., вступит. статья, коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006.
- Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Ленинград, «ЭГО», 1991. Т.2.
- Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005.
- Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Книга Первая. М.: Книгоиздательство «Мусагет», 1910.
- Морозова Я.В.* Московское Религиозно-Философское Общество памяти Вл. Соловьева: вопросы возникновения // Вестник РХГА. Том 9. 2008, Вып. 2.
- Франк С.Л.* Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991.